

*Аркадий
Малашенко*

ПОИСК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КАРТЯ МОЛДОВЕНЯСКЭ»
КИШИНЕВ * 1961

В первую книгу молодого поэта А. Малашенко вошли стихи о Родине, о любви, о дружбе, И также две поэмы: „Я вам сердце отдал...“ а „Сердце матери“.

В поэме „Я вам сердце отдал“ Малашенко рассказывает о молодых рабочих, наших современниках.

* * *

Дай мне руку, годок,
Дай мне руку, ершистый, колючий.
Есть немало дорог,
Мы шагаем с тобой самой лучшей.

Вновь зовет за порог
Голос сердца, могучий и трубный.
Есть немало дорог —
Мы шагаем с тобой самой трудной.

Из насиженных мест
Нас судьба в заварухи кидала.
Оглянись же окрест —
Сколько нас вот таких зашагало!

Так не прячь гордых глаз.
Вижу, слезы в них солнцем искрятся.
Нам по двадцать как раз,
Коль не нам, так кому ж ошибаться!

Поднимайся, держись!
Нелегко быть в горниле событий.
Пусть поправит нас жизнь —
Самый строгий и мудрый учитель.

Дай мне руку. С тобой
Без оглядки пойду я по жизни.
Ты вот этой рукой
Алый стяг принесешь к коммунизму.

Так смелей за порог!
В гущу дел, в беспокойные будни.
Есть немало дорог.
Так пойдем же, годок, самой трудной!

ВЕСЕННИМИ ПУТЯМИ

...И начинают уходить снега.
Не уходить, а убежать ручьями,
Стремительными, как мечты ребенка,
Увидевшего солнце на ладони.
И только кое-где, в оврагах, на полях
Белеет снег, как будто облака
Спустились отдохнуть в пути неблизком.
Везде пути! Весенние пути!
Открой окно, и ты услышишь запах
Весенних листьев. Их покамест нет,
И нет травы, густой и длиннокошой,
Но вслушайся! В земле идет работа.
А это значит скоро брызнут травы
Зелеными осколками апреля.
Везде пути! Весенние пути!
Ты погляди, как голубое небо
Исписывают птичьи караваны

Затейливыми кружевами. Слышишь
Могучее приветствие весны?
Пойдем навстречу песне журавлиной,
Навстречу ветру теплому. И людям
Мы принесем охапку настоящей,
Пьянящей и чарующей весны.

А вечер подбирался по оврагам,
По ямам, по канавам. Зажигались
На небе звезды.

Но во тьме, вверху
Летят, летят весенними путями
Большие птицы.

Слышишь песни крыльев?
— Кур-лы! Кур-лы!

Ты слышишь шорох крыльев?
Лети же, сердце, с ними. Или выше
К далеким звездам мчись и стань звездой,
Пусть маленькой, но, может быть, кому-то
Она поможет выйти на дорогу.

А это будет значить, что не даром
Я прожил двадцать лет...

— Кур-лы! Кур-лы!
Большое время! Даже не охватишь

Все это разумом.

Идет в земле работа.

Еще немного —

мы войдем в весну.

ДОРОГИ

Ты скажи, почему
Мне ночами не спится,
Чуть услышу в тиши
Паровозов гудки.
Ты скажи, почему же
Ночами мне снится
Все дорога, дорога,
Тополя и дубки.
Почему же ты, сердце,
Не хочешь покоя,
Почему же не хочешь
Смириться никак,
Что не мы, а другие
Такие же двое
Зашагали,
На спину забросив рюкзак.
Но лишь стоит поддаться
Всесильному мигу —
И ты сдашься, уйдешь,
Чтоб плутать, чтоб искать,
Чтобы книгу о жизни —
Чудесную книгу —
Все читать и читать,
Все листать и листать.

Заметут листопады
Метелью багряной,
И засвищут бураны,
Не спрячешь лица...
Эту книгу читаем
Мы постоянно,
Нет начала в той книге
И нет в ней конца.
Знать, такие уж мы,
Черт возьми, непоседы!
Не привыкли топтаться
На месте одном,
Потому-то нам снятся
Дороги, разъезды,
Потому-то нас будят
Гудки за окном.

СЕРДЦЕ

Не говори мне, мама,
Что в груди моей нежное сердце.
Оно у меня, наверное, как
От злобы сжатый кулак.
Подумай:
Багряное небо,
И падает хлопьями пепел...
Пепел! Не снег, а пепел
Падает с высоты.
Не говори мне, мама,
Что в груди моей нежное сердце.
Я вижу: пылают пожары,
Дымится людская кровь.
Я вижу, стреляет убийца
В алжирца седого, как ветер.
Но разве в алжирца только?
Он целится в сердце мое.
Не говори мне, мама,
Что сердце беречь я должен,
Что нужно не волноваться,
Что нужно спокойней жить.
Но видишь — дымят пожары,
Но слышишь — гудят моторы,
И падает хлопьями пепел...
Зачем же мне сердце тогда!?

* * *

Ты возьми меня, город, за руку,
Твердость дай мне и успокой,
Уведи меня, город, за реку,
Посидим с тобой над рекой.
Долго я говорил с собою —
Испытать себя помоги.
Я себе не ищю покоя
И не дам покоя другим.
Мы давай постучимся звонко
И спросим в каждом доме;
Горько плачет в парке девчонка,
Видишь, плачет, а почему?
Мы найдем, кто ее обидел,
Мы к ответу его, к суду.
Он, наверное, меня ненавидит,
Но найду я его, нанду!
Может, ждет он меня до рассвета,
Злобно ждет, непогоду кляня,
Чтоб во тьме вдруг смертельным кастетом
Садануть по башке меня.
Сердце!
Силы дай удержаться!
Он ведь может это посметь.
Он забыл, что в такие же двадцать
За него
 шел Матросов на смерть.
Ну так чье же, так чье же дело?
Это дело твое, мое!
Ведь у парня в руках умелых
Так красиво станок поет.
Ты постой, погоди улыбаться:
Этот парень в глубоком рву.
Если вытащить парня удастся,—
Значит, я не даром живу.
Это надо сделать.
Ведь он же
Пионерский галстук носил!
Подниму я всех, растревожу...
Но, послушай, а хватит сил?

Чтобы сделать хотя бы это,

Чтоб потом о другом говорить,
Чтоб не числиться на планете,
А бороться на ней и жить!

Чтобы, вспыхнув, сгореть под зноем,
Чтобы драться в снегах тайги,
Чтоб себе не искать покоя
И не дать покоя другим.

ИДЕТ ПАРНИШКА

Идет парнишка с первою зарплатой,
Ему б об этом каждому кричать.
Но люди все бегут, спешат куда-то
И не хотят парнишку замечать.

Куда идти?
И где искать знакомых,
Иль спрыснуть это дело по пути?..
И он шагнул к дверям, где пьяный гомон...

Ты помешай ему!
Не дай ему войти!

Ведь дома брат с малышкою-сестренкой
Почти до блеска выскоблили пол,
И мать сегодня бархатной скатеркой,
Как в лучший праздник, застилает стол.

НА ПАРОМЕ

Я тогда ее видел впервые,
И с тех пор не найду покоя.
А глаза ее голубые
Неотступно следят за мною.

Я запомнил, как волны стонали,
Ветер выл монотонно и длинно,
Как она на пароме стояла
С некрасивым, худым мужчиной.

Все меня в нем тогда оттолкнуло:
И рубашка, затейливо вышитая,
И большие упрямые скулы,
И прическа, и брови нависшие.

Красотой ее сбитый с толку,
Я смотрел почти с гневом, с обидой,
Как красавица хрупкая, тонкая
Прижималась к мужчине небритому.

Пусть ее я увидел впервые,
Но казалось — меня обманула,
Когда кудри ее золотые
Гладил этот, с упрямыми скулами.

Деньги, что ли, се прельстили?
Разве чувства ее настоящие?..
А она вдруг перехватила
Взгляд мой долгий и осуждающий.

Поняла. Видно, ей не впервые.
Грусть в глазах заискрилась непрошено,
И глаза эти стали родные,
Очень чистые и хорошие.

Улыбнулась — простая, славная
И прижалась к мужчине небритому.
Будто чувствовала, что слабая
И что рядом ее защита.

Он обнял ее нежно и гордо,

И ушли они оба берегом...
Я б полжизни девушке отдал,
Чтоб простила мое неверие!

СЕВЕРЯНКА

Уведу я тебя, уведу,
В голубые сады Приднестровья,
В сердце песни такие найду,
Что слагаются только любовью.

Уведу я тебя, уведу,
Самый щедрый и самый богатый.
Я вплету в твои косы, вплету
Жарко-красные ленты заката.

Я осыплю тебя у плетня
Изумрудов потоком зеленым.
Только глянь, сколько их у меня
На ветвях у задумчивых кленов.

Ну, а ты подари только взгляд,
Северянка, в садах Приднестровья.
Твои звездные очи горят,
Как весенние ночи Молдовы.

Но ты сердцем в далеком краю,
А не здесь, не со мной, не со мною,
Потому что о солнце поют
Журавли над зеленой тайгою.

Потому что цветам пламенеть
Очень скоро у тропок знакомых,
Потому что шумит в буреломах
Отощавший и злобный медведь.

...Мы к Днестру на рассвете пришли.
Днестр окутался дымкою серой.
Ты сказала:
«Послушай, на Север
Все летят журавли».

ЛЮБИМОЙ

Л. м.

Спит. И будить ее жалко,
Хоть много сказать ей нужно.
А в маленькой комнатке жарко,
А в маленькой комнатке душно.

С досадой резким движением
Прочь одеяло отброшено.
И снится ей что-то весеннее,
И снится ей что-то хорошее

С цветами, с природой сказочной,
Спи, я будить не стану,
Хоть много еще не сказано
И как-то тревожней стало.

Слова твои, словно веером,
Сон отгоняют упрямо.
Сегодня сказала вечером,
Что скоро ты станешь мамой.

Спит... И совсем по-детски
Во сне улыбнулась чему-то.
Мама? Девчонка эта?
Может, я что-то спутал?..
Я вижу, шалунья славная,
Как взрослой казаться стараешься.
Родная, ты очень слабая
И в маме сама нуждаешься.
Жизнь не легка, я знаю,
Будут грозы и грады.
Спи спокойно, родная,
Я сильный,
Я буду рядом.

СВЕТЛАНКА

Занавесив окна спозаранку,
Побродивши в сказочном краю,
Пела вьюга девочке Светланке,
Песню колыбельную свою.

Завывали яростно бураны,
И скрипел испуганно плетень...
Засыпала девочка Светлана,
Не дождавшись мамы в этот день.

Утром она молча наблюдала:
В чем-то мать совсем другой была,
То к окну тревожно подбегала,
То сидела молча у стола.

То шагнув к кроватке осторожно,
Порывалась что-то рассказать,
То глядела жадно и тревожно
Очень долго дочери в глаза.

А под вечер, буркнув: «На минутку...»
Снег стряхнув нечаянно на пол,
К ним зашел мужчина в летной куртке,
Нет, не к ним,
а к матери зашел.

Отошла. Уселась в уголочке,
Слушала, как ветер завывал,
Видела, как этот дядя-летчик
Маму у дверей поцеловал.

Видела, а помнила другое:
Так отца приятно было ждать...
И внезапно брызнула слезою
Дочери упорная вражда.

Это просто, это очень сложно,
Эту злость словами не унять...
Так не смей с улыбкой осторожной
Ничего ребенку объяснять!

ОЛЬКА, ЯРОСТЬ МОЯ

1

Песню
Вскормили
Свинцовой бурей,
Песню
Вспоили
Заревом бурым,
Нежили песню
И матом крыли,
Дали ей силы,—
Я дам ей крылья.
Лети же, лети!
Ест и силы иссякнут —
Бери мое сердце
И кровь всю до капли!
Бери мою ярость,
Бери мою ярость!
Будь злее,
Чтоб лучше запоминалась!

2

Ты забыл — я напому. Была там девчонка,
Мореглазая дочка июньских лугов,
Ты забыл — я напому, как в дальней сторонке
Пахло этой девчонкой от южных цветов.
Ты припомни дорогу среди перелесков,
Что ведет к деревушке, уснувшей в снегу.
Там упрямо живут огоньков переблески
И порхают снежинками ночью в пургу.
Ты забыл — я напому. Сходились березы,
Свои лучшие платья в тот вечер надев,
Ты забыл, как прощались мы с краем раскосым,
Где блуждает в снегу звонконогий напев.
Как звенел он, сошедший с ума колокольчик!
С визгом злым под полозья бросался мороз.
Отчего же, скажи, на глазах твоих, Олька,
Запорхали впервые бабочки слез?

ГОРА КРОВАВАЯ

*Неподалеку от Ялты есть
высокая скала, с которой враги
сбрасывали советских людей.
Народ назвал ее Кровавой.*

Нет места, пожалуй, тише
В горах. Здесь лес и гранит.
Но слышу, поймите, я слышу,
Как тишина гремит.
И вижу: у пропасти выстроены
Люди, стоят и молчат.
И это молчание выстрелы
Не перекричат!

И только крики «За Родину!» —
Еще не умолкли, нет!
Эхо сквозь годы пройденные
Вновь донесло их ко мне.

О мужество поколения
Наших отцов, матерей,
Голосовавших за дело Ленина
Алой кровью своей!

Не расставайся со мною,
К жарким делам веди.
С кричащею тишиною
Будь у меня в груди!

И если когда-то усталость
К покою меня позовет,
И если когда-то старость
За горло цепко возьмет,
И если когда о спокойной я
Начну помышлять норе, —
Память моя бессонная,
Веди меня к этой горе!

РОЖДЕНИЕ ВЕСНЫ

Снова ели
И снова могучие вязы.
Я к местам этим сердцем
С детства привязан,
Я бродил здесь усталый
Весною.
Снег талый
Несся быстрою, бурной водою.
И опять я бреду
В сапожищах огромных.
Утро...
Слышу, как день
Пробуждается громко
И кричит в тишину
Свое гордое имя.
Птицы, птицы летят,
И люблюсь я ими.
Я люблю этих вестников
Вешних потоков.
В них красивое что-то,
В них гордое что-то.
Надо мной небосвод —
Опрокинутой вазой.
Синь в ней плещется.
Стонут усталые вязы,
Им бы скинуть с себя
Вьюг январских остатки
И рвануться в весну
Горячо, как в атаку.
Но деревья в снега
По колени упрятаны,
В голубые снега,
В голубоватые.
Солнце!
Солнце горит, своих сил не жалея,
Снег весной почему-то
Всегда тяжелее.
Может быть, потому,
Чтобы знала природа,
Как рождалась весна,

Как мучительно больно при родах.
Но зато снег отброшен
Молодыми лучами,
И зима убегает
Поспешно ручьями,
И звенят голоса
Журавлей в поднебесье.
Я люблю эту песню,
Я пою эту песню.

ВИНОГРАДАРКА

Пылит «Москвич» меж сонными полями,
Мигали звезды, близостью маня.
А ты стоишь еще перед глазами,
Девчонка, виноградарка моя.

Тогда садилось солнце прямо в кодры,
Но шла работа (дорог каждый час),
И девушка с косою непокорной
Вдруг почему-то задержала нас.

Быть может, руки девушки проворней,
Чем у других?
Но помнится одно:
В ней было, что-то и от мудрой «Дойны»,
И от искристых плясок чабанов.
Взметнулись брови в медленном полете.
Под ними — быстрых глаз голубизна.
И было видно, что себя работе
Всю отдала до капельки она.

Привстала вот. И волосы разгладив,
Вся потянулась в золото лучей.
Как будто бы из крупных виноградин,
Блестело ожерелие на ней.

И столько радости в глазах ее звенело,
Заставив все по-новому сиять,
Что в первый раз, быть может, пожалел я
Что кисти нет, что не художник я.

Несутся звезды сонные над нами,
«Москвич» пылит один среди полей.
Но все стоит она перед глазами,
Счастливая от щедрости своей.

СЫНУ

Маленький, смешной и неуклюжий.
Весь в меня глазами и лицом,
Радостный, он топает по лужам
Этаким задорным сорванцом!

Бегает за кошкой по порогам,
По двору гоняет колесо.
И замрет, испуганный немного,
Перед старым добродушным псом.

Милый, шаловливый и упрямый,
Объясни же толком, наконец,
Кто тебе дороже:
Папа?
Мама?
Я уверен, скажет он: «Отец».
Вот ко мне бежит
С какой-то ношей.
Подбежал... Тепло сыновних щек...
Хочешь на руки? —
Возьму тебя, хороший...
Жаль, что не родился ты еще!

ЧУДЕСНЫЙ ГОРОД

«Как он умел забыть себя!»

А. Пушкин

Там, в том краю, что выдумали мы,
В краю, возникшем из страниц поэтов,
Бродили мы по улицам.

Поэты

Звенели бронзой. И решали споры
Двух маленьких, взъерошенных людей.
То были мы. А люди, что сходили
С бессмертных и угрюмых пьедесталов,
Носили громкие, большие имена.
Ты верил им. И я им тоже верил.
Они легко решали наши споры.
Ведь имена их золотом сияли
На книжках, что я прятал под подушку
И до утра вишневого читал.
Там мы бродили. И бессонный город
Нам раскрывал все тайны вековые
И голосом спокойным говорил нам:
«Идите дальше. Это не конец».
И мы шагали медленно,
И плыли
Над нами звуки дивные, врываясь
В пропахшие березой облака.
Но годы шли. Как много изменилось!
Я в ту страну не позабыл дороги.
О, сколько НОБЫХ, бронзовых, знакомых
Я встретил там, в задумчивой стране.
Но нет тебя со мной. А это важно.
А это очень больно, понимаешь,
Ведь эти люди бронзовые помнят
И нашу дружбу. Ты пойми, мой друг.
Вот я один бреду.
Чудесный город
Как будто ничего не понимает,
Но чем-то он встревожен, этот город.
И все звонят, звонят колокола.
Да, я один. А дружба наша помнит
Такие дни, когда я даже часу

Не мог прожить без друга.
Было время,
Когда тебе и горя я желал,
Чтоб в трудный час вдруг оказаться рядом,
Чтоб ты увидел, как тебе я предан,
Чтоб понял ты, что для тебя готов я
Идти на все.

Сумел бы ты понять?
Но жизнь твоя пошла прямой дорогой,
Пускай без взлетов, но и без падений,
И привела дорога к кабинету
В унылый плен бумажек и бумаг.

Я не пойму, когда погибла дружба...
Да, ты тогда пришел ко мне с работы
И говорил, что руку

тебе жали

Больше люди. И смеялся ты.
Так радостно, так радостно смеялся,
И все смотрел на руку удивленно
И говорил:

«Вот эту руку жали,

Вот эту самую... Вот эту...

Ну, теперь!..»

...Какая даль! Просторы нараспашку!
И лишь у края облачко темнеет,
Но ведь оно совсем, совсем ничтожно
На фоне беспредельной чистоты.
Какие песни солнце подарило!
Какие краски солнце разбросало!
А ты стоишь, и взгляд твой неподвижен.
Садится солнце. Наступает ночь.
Но где же та заметная граница
Меж другом и чужим и непонятым
Тебе мужчиной?

И когда же,

Скажи, когда же это началось?
Когда твоя строка, сверкнувши ложью,
Пошла по легкой, хоженной дороге?..
Смотри в глаза мне.
Ну, чего ты прячешь
Свой беспокойный, бегающий взгляд?..
В том городе так чисто и так строго,
Там шепота не признают. Ты знаешь.

Там шепотом 'не скажешь даже слова,
Какое эхо! Шутка ли сказать!
Чуть скажешь слово — слышит целый город
И зашумят волшебные проспекты.
И повторяют громко это слово
Десятки тысяч разных голосов.
Ты не войдешь. Ты не имеешь права...

Вот я один бреду. Чудесный город
Наполнен юной музыкой кварталов.
И бронзовые люди, как и раньше,
Решают споры маленьких людей.
И всюду жизнь ритмично и спокойно
Мальчишек беспокойных превращает,
Мечтателей
В творцов вот этой жизни,
Как и положено.

И вот шагаю я
В ее широко, деловитом марше,
И сердце бьется в ритм стальному шагу,
И даль ясна. Какая чистота!
А полночь удивительно красива
В своем цветастом ситцевом наряде
Огней, реклам.
Она следит за мною
Горящими глазами этажей.
И каждый раз сквозь музыку кварталов
Я слышу голос строгий и знакомый:
— Иди же дальше!

Это не конец.

ЧЕЛОВЕК

Груда окурков в пепельнице,
И ни строки в блокноте...
Что-то могучее в сердце
Застряло и не уходит.
Пишу я о человеке
Нового,
нашего века.
О сильном, правдивом, горячем,
Не знающем неудачи,
И страха,
и краха,
и горя,
Сдвигающем с места горы.
А человек мне с тоской
Шепчет: «Я не такой!
Боюсь я мышей, гололедицы
И тьма неудач в работе...»
Груда окурков в пепельнице
И ни строки в блокноте...
Шепчет: «Я слабый, грешный,
Я не такой, я другой...»
— Бреешь, — кричу я.
— Ты брешь.
Ты — такой!

Я ВАМ
СЕРДЦЕ
ОТДАЛ...

(поэма)
Глава первая
I

Металась ночь над маленькой избушкой,
Скреблась метель, повизгивая, в дверь.
Шагал он перед ними, малодушный,
Их было шесть. Их пятеро теперь.
Ах, как пурга шалела и зверела!..
Не разобрать: не хохот и не вой!..
Шагал один, ругаясь неумело,
И даже тень бросалась от него!..

Закрывать глаза — и вот они глазастые,
Вихрастые мальчишки предо мной.
На плечи сбились шелковые галстуки,
Горящие немеркнувшей зарей.
Вот в жизнь идут, пока нетвердым шагом,
Волнующим предчувствием полны,
Что им на плечи очень скоро лягут
Заботы и дерзания страны.
Закрывать глаза — и вот они упрямые,
Все шестеро стоят передо мной
Шагающие медленно, но прямо,
С завидной и бесхитростной судьбой.
На вечерах друг с другом танцевали,
Старались только басом говорить.
И все ж на танец долго не решались
Девчонок-одноклассниц пригласить.

...Как дрогнули взволнованные пальцы,
Когда р ладонь легла рука ее.
И все исчезло: и друзья и танцы,
И зала нет. А есть они. Вдвоем.

Ты замер весь, когда тебя толкнули,
Прижали к твердой маленькой груди.
Как эти груди к сердцу прикоснулись!

Как обожгли они!
Иди, иди.
С ней в тихом, медленном движенье
Скрывай лукаво от друзей уменье
Наткнуться на танцующих опять —
Чтоб снова так же сердце обжигать.

Так горько стонет ночью непогода,
Стучится в двери злобная пурга,
И где-то рядом, где-то рядом ходит
Огромная, угрюмая тайга.

Как страшен ей избушки огонечек,
Что целый год мерцает по ночам.
Она узнать, она понять их хочет,
Тех шестерых, что рубят сгоряча
Ей по пальцам, по ногам, по жилам,

Чтоб отступила, старая, сдалась —
Она довольно в дебрях покружила -
Теперь другой здесь бог, другая власть.
Но не сдается старая без бою,
Кричит, ломая крепкие плетни.
И бродит, бродит, бродит за стеною...
Как шестеро? Что делают они?

И память снова, как в атаку, мчится,
Ломая все преграды пред собой...
Молдавский город у речной границы,
И долгожданный вечер выпускной.
Какие дали знания открыли!
Ищи, шагай! Твоя мечта с тобой...
Недолгий спор — и шестеро ступили
На землю вьюг осеннею порой.

Чтоб здесь,
Среди деревьев этих стройных,
Среди косматых белых снежных гор
Построить город. Светлый, юный, строгий
С названьем гордым — город

ДРУЖБОГОРСК

Замело рассветы
Золотой порошей.
Тайга мальчишек встретила
Кроткой и хорошей.
А позже закружила
Холодную листвою,
А позже подружила
С погодой грозовой.

Не хныкали, не плакали —
Вставали на рассвете.
Брели потом по слякоти
Без лишних междометий.

Вгрызались в недра грозные,
Позванивали пилами,
Расходуя по-взрослому
Мальчишеские силы.

Эх, отоспаться разик бы,
Никак не належишься...
Натягивают грязные,
Сырые сапожища.
Чайком себя побалуют,
Закурят на второе.
И вновь бредут усталые
Свой город юный строить.

Казалось бы — привыкли,
Казалось — страхи кончатся...
И вот за дверью с гиканьем
Метелей мчится конница.
И Ленька стал сдаваться,
Стал ныть и плакать Ленька,
Стал позже подниматься,
Старался быть в сторонке.
Дико выла вьюга,
Корчилась, кричала!
Стояли перед другом
Пятеро.
Молчали.
И только горько думали,
Что поздно рассмотрели.
Стоял он перед дулами,

Стоял он на расстреле!
Слова у них готовые
И приговор подходит,
Слова у них свинцовые,
Слова у них на взводе.
Еще чуть-чуть и кончено,
Еще чуть-чуть и точка.
А взгляд его отточенный
Рвет приговора строчки —
Хороший, васильковый
И дерзкий, и красивый...

Ах, Ленька бестолковый,
Дурак ты наш любимый.
Но Ленька вдруг не выдержал,
Рванул рукою ворот:
— Я б справился, я б выдюжил,
Но где он, этот город?
И где же, где же подвиги,
Романтика и прочее?
Пройдут, промчатся годики —
Ни радости, ни горечи.

Эх, разве знал он, рыжий,
Что зимними ночами
Все шестеро такие же
Во сне слова кричали,
Что снились им упрямо
Закаты золотые
И старенькие мамы
По-новому родные.
К чертям ее, работу!
Довольно испытаний...

Но было, значит, что-то
Сильнее всех желаний.

III

Гутарила гитара
В Яшкиных руках,
Обида клекотала
У пятерых в глазах.
Эх, спеть бы звонко-звонко,

Как раньше, как всегда —
Укладывает Ленька
Вещички в чемодан.
И очень нужно стало,
Хоть пару слов, сказать...
Он вынул одеяло
И бросил на кровать.
— Возьмите, мне не надо...
И жалко прячет взгляд.
— Сгодится вам, ребята,
А мне?

На кой мне ляд!
Ведь новое, ребята,
И шубы потеплей...
Молчание. Гитара
Лишь звенькнула сильнее.
— Ну что ж, прощайте...
Тихо так.
— Ребята...
Тишина.
Он вышел
Громко вскрикнула
И лопнула струна.
Ребята промолчали,
Сидели как во сне.
Лишь кто-то одеяло
Выбросил на снег.

Глава вторая

Прошло полгода...

I

— Что тут долго еще говорить!..
Мы клянемся наверняка
Лучше всех дорогу рубить,
Лучше Саньки Чередняка.
— Лешка кепку рванул и смял,
Глянул твердо из-под бровей.
— Это я не один сказал,
Это **ВЫЗОЕ** бригады моей.
Ты пиши, секретарь, в протокол —

Комсомол вас не подводил...
И когда смешочек прошел,
Встали пятеро,
 как один.
Встали рядом.
 К плечу плечо.
Встали чертом.
 Вразлет чубы.
Задышали все горячо:
— Ты пиши, секретарь, не чуди!
— Все же пять, а у Саньки семь
И они на здесь край гремят...
— Ты пиши! —
 И рванулись все,
— Ты пиши! Кому говорят!
Смотрят пятеро из-под бровей,
Сжаты намертво кулаки,
И глядят на ребят теплей
Старики. Крепыши. Кержаки.

II

Нет, они об этом молчат,
Никому не сказали они,
Как сражались неделю подряд,
Как под корень валили дни.

Вам бы лес рассказал о том,
Как кипела работа здесь,
Как звенела весна кругом,
Он бы вам рассказал, этот лес.

Он бы вам рассказал, как кровь
Запекалась у них на руках,
Как кричали громко без слов
В их глазах тревога и страх.

Как забилося потом в мозгу,
Что им Саньку никак не догнать,
Как рубились они сквозь тайгу,
Он бы мог, этот лес, рассказать.

Он бы вам рассказал, как упал
Лешка в жидкую, черную грязь,

Он бы вам рассказал, как рыдал
Лешка, яростно матерясь,

Он бы вам рассказал, как ночь
Убегала от визга пил,
Как работали ночью, но
Все равно не хватало сил.

Вот какая неделя была!
Дрались в сутки пятнадцать часов.
Доказать!
Но бригада мала —
Это ясно без всяких слов.

Он бы вам рассказал, как шли,
Зубы сжав,
на работу
 пять,

Он бы вам рассказал, как шли,
Чтобы клятву свою сдержать.

— Не догнать?
Как сверкнул глаза!
— Не догнать?
Как звенит металл!
А в субботу Лешка сказал,
Что
 Чередняк
 отстал.

Вам бы мог рассказать этот дуб,
Как стучали все пять сердец;
Как из черных, запекшихся губ
Прошуршало одно: — Наконец.
Как упали под дубом здесь
И уснули мгновенно, враз.
Он бы мог рассказать, этот лес,
Очень длинный, как сон, рассказ.

Л когда окончился сон,
Одного унесли на руках.
И в глазах клокотал не стон,
А опять тревога и страх.

Но они не закрыли глаза,
Шли, ступая грузно, не в такт.
У дверей Лешка хмуро сказал:
— Нас не хватит на месяц так.

Ш

Все дожди и дожди,
Спасу нет от дождей.
Яшка хмуро сидит
Без гитары своей.

Надоело молчать,
Бродит сумрачный взгляд.
Эх, гитару бы взять!
Только пальцы болят.

Все дожди и дожди,
Все шумят, и шумят.
Ты играй, ты не жди,
Знаем, пальцы болят.

Ты играй невпопад,
Зубы сжав, до конца...
Знаем, пальцы болят —
Но больнее сердцам.

Им больнее, сердцам,
Чем тяжелым рукам...

Я вам песню отдам,
Пятерым паренькам,
Отдал сердце свое вам
И сон и покой...
В вашей жизни суровой
Я встал с вами в строй.
Как болят мои руки!
Как сердце болит!..
Тихо, тихо. Ни звука...
Дождь по крыше шуршит.

Глава третья

I

И снова, снова мчатся эшелоны
С ребятами дорогами весны,
Туда, где край еще не покоренный,
Где их сердца, их руки так нужны!

Отряд девчат и смелых и несмелых,
Девчонок с миллионами причуд,
И я уверен — нет такого дела,
Что б было им сейчас не по плечу.

Жжет их лучами бешеного солнца,
Морозит беспощадно их мороз,
Идут романтики с путевкой, добровольцы
В кипенье жизни,
в пересверки гроз!

II

Я вас вижу, ребята.
Понимаю я вас.
Ведь я с вами когда-то
Заходил в шумный класс.
С вами пел, спорил, дрался
До закатной поры,
С вами, черти горластые,
Жег ночами костры.
И минутами длинными
По волшебным краям
Уводила нас Лидушка —
Строгая память моя.
Вижу школу глазастую
И ее с журналом в руке.
Вижу жирную кляксу
Вместо двойки в твоём дневнике.

Сколько б время ни мчалось,
Никогда не забыть,
Как учила она нас
Буйный ветер любить.
Как учила нас верить,
Жнть, от света себя не тая.
Лидия Тимофеевна,
Строгая память моя!

И когда слишком трудно,
И когда не уйти от тоски,
Мчитесь вы к нам и в тундру,
В зной и в Арктику, к черту, в пески!
Вы приходите, стройная,
Наш хороший, задумчивый друг,
И так тихо, спокойно так
Нам становится вдруг.
Наливаются силой
Наболевшие руки твои...
Тихо...
Слышите?.. Пилы —
Значит снова бои.

Ш

А на рассвете с кипой новых книжек,
С корзиной первых южных овощей
Ввалился Ленька. Да, тот самый, рыжий,
И затоптался хмуρο у дверей.
Как остро сразу вспомнилось былое!
От злобных вьюг домишко их дрожал.
Та ночь. Гитара с порванной струною.
И он.

Ушел.

Нет, не ушел. Сбежал.

Такое не прощается до смерти —
Так думали ребята по ночам.
И вот пришел он,
Жалкий, гордый, смелый,
Одни глаза! Не смотрят, а кричат.
Все в этом крике! И тоска по дружбе,
И горечь, и страданье, и вопрос.
Но вновь перед глазами вечер вьюжный.
И он уходит. Медленно. В мороз.
Такого вы собрания и сами
Не знали, я уверен, до сих пор.
Здесь говорили, спорили глазами.
Был он не скор, тяжелый разговор,
Где научились вы немногословью,
Суровые товарищи мои?
Не проверяли верности вы кровью,
Но были здесь у вас свои бои.

И это их, боев ожесточенье,
Легло морщинкой первую у глаз.
И Ленька ждал. Но ждал он не прощенья,
Он ждал решенья строгого сейчас.
Ну, как сказать им, что без них извелся!
Вдруг Лешкин голос грянул между стен:
— Ну что ж стоишь? Входи, коли приплелся,
И жми, к завхозу, получай постель...
И вновь с рассветом, меж корявых кедров,
В таежный мрак, туда, где пилы ждут,
Выбрасывая в небо песни щедро,
Уверенные шестеро идут!

IV

Там месяц-пастух выводит
Затейливых звезд табунки,
Там гром, стругавшись, уходит,
Сжимая еще кулаки.

Обласканы свежестью первой,
Деревья шумят и шумят.
В избе беспокойно и нервно
Усталые шестеро спят.
Им снятся все метры и метры
Коварной и злой тайги,
Им снятся все кедры и кедры —
Смертельные их враги.

Тревожное пробужденье,
Сверкнул было страх опять,
Но чудится в сердцебиенье:
— Сможем мы устоять!

— Выдержим! — крикнул Мишка,
Какое здесь может быть «нет»!
Смешные мои мальчишки,
Как вы дороги мне!
Как вас представить, скажите,
Герон моих стихов?
Кто из вас положительный,
А кто же из вас плохой!

Таких, как вы, миллионы —

Глазастых романтиков рать,
И рамок определенных
Для вас не могу подобрать.

Вы можете выпить... Бывало!
На танцах затеять скандал.
Таких вот вихрастых малых
Я много в жизни видал.

Иной лысеющий дядя
Распишет по клеточкам всех,
Тех в положительных надо,
А в отрицательных тех.

А я ни на тех, ни на этих
Вас не хочу делить.
С вами мне на планете
Сколько дел совершить!

Не кто-нибудь, а такие
Творят на земле чудеса.
Непохожие и простые,
С дерзкой смешинкой в глазах.

Вот так они в жизнь вступают.
Сразу вдруг, напрямик.
О подвигах лишь мечтают.
А кто ж совершает их?

Все эти же непохожие,
Вершители громких чудес...

Выходит бригада Лешки
Снова врубаться в лес.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

(поэма)

1

Шелестели клены у дороги,
Тишина прижалась у ворот.
Белым силуэтом на пороге
Мать застыла. Может, позовет?
Нет, смолчала, он ушел, упрямый,
В медленно густеющую тьму.
И тогда лишь вспомнила,
Что мало
Положила шанежек ему.
Что совсем, совсем не говорила
О дороге трудной и о том,
Что теперь уже ей стал немилым
Непривычно опустевший дом.
На губу слезинка набежала —
Горькая-прегорькая полынь.
Также ночью мужа провожала,
А теперь ушел и сын.
Долго ли в отъезде он пробудет?
Видно, долго. Сколько, сколько ждать?!
Вспомнила, что сын уже не будет
Ей газеты вечером читать,
Что никто, никто не соберется
Песни петь к ней, старой, под дубок...
Все... Уехал...
А когда вернется?..
Где теперь, в каких краях сынок?
Может там, в заснеженной Сибири,
Где дома по крыши замело,
Где снега...
Ну, как через полмира
Нерастроченным дойдет ее тепло?!
В дверь просился августовский вечер.
Затаилась в шторах тишина...
Вздрагивающие, сгорбленные плечи.
За окном холодная луна.

В жизни все пошло не так, как надо.
Сколько лет поверить не могла?! —
Мужа и отца под Сталинградом
В августе война отобрала.
Помнится... Голодную, босую
Гнал от немцев неумный страх,
Кто жалел тогда ее, больную,
С пятилетним сыном на руках?
Всем хватало горя.
Бомбы... Мины...
Шла все дальше, дальше на восток.
Ела рожь сырую, ну, а сыну
Отдавала все: живи, сынок!
И спасла. Немного позабыла
Ужас прошлого. И снова расцвела.
Никому ЛГОБЕИ не подарила
Всю — до капли — сыну отдала.
Годы шли.
«Орленком» мальчугана
Все соседи стали называть.
Как отец — веселый и упрямый,
И красивый очень — видно, в мать.
И давно потерянное счастье
К ней как будто вновь вернулось в дом.
Рос сынок. А время безучастно
Украшало косы серебром.
Рос сынок... И все-таки случилось
То, чего боялась и ждала.
Как-то утром не дождалась сына.
Отругать? Нет, не смогла.
Он пришел счастливый и веселый.
С самым первым солнечным лучом.
Несказанно близкий, непонятно новый,
Не орленком, а уже орлом.
И напрасно бегала, напрасно
К старой бабке вечером гадать.
Стало очень грустно,
Стало очень ясно,
Что его уже не удержать.
Вспоминала...
Тихий летний вечер.

Сын вчера лишь был как будто хмур,
А сегодня чересчур беспечен,
А сегодня нежен чересчур.
Целый день не отходил, был рядом,
В поле с ней, и дома, и в саду.
Все шутил, смеялся.
Сердцем сразу
Мать почуяла какую-то беду.
Подошла к нему, взяла за плечи,
Растрепала золотую прядь.
— Ну скажи мне правду,
Будет легче.
Я же мать твоя. Ты слышишь! Мать!..
Сын застыл в молчании упрямом.
Стало слышно — где-то жук жужжит...
— Вот путевка... Уезжаю, мама...
Надоело! Хватит... Не держи...
Не кричала, не ругалась.
Где там?
Замерла,
Во всем вина себя.
Сын стоял, взволнованный и бледный,
Чуб свой русский нервно теребя.
Не спала... ворочалась, вздыхала.
День пришел — застыла у стола.
Собирался сын — она молчала.
Он ушел — она не позвала.
...В дверь просился августовский вечер.
Затаилась в шторах тишина...
Вздрагивающие,
Сгорбленные плечи.
За окном холодная луна.

3

Осень нынче дождливая слишком.
Журавли улетают на юг,
И не мчатся чуть утро мальчишки
Мяч гонять на поблекший луг.
Школа всех их давно помирила.
Засадилась за буквари,
И выводят буквы чернилами,
Нападающие и вратари.
А их матери дома шьют,

А их матери дома вяжут.
Скоро, скоро дожди отольют
И зима свое слово скажет.
А потом отметет метель,
Отшумят весенние ливни.
Снова штопай и снова шей
От апреля до стужи зимней.
Шей всю жизнь, одевай, расти,
Из-за сына не спи ночами,
Чтоб когда-то он мог уйти
И оставить
Одну
Маму.
...За окном листопад шептал
Что-то осени... Ветры злятся.
Два письма только сын прислал.
Мать
Послала
Сыну двадцать.
Снег сменил мерный шум дождей.
И не бьются волны о берег...
В октябре сын прислал сто рублей,
А теперь ни письма, ни денег.
Как письмо, так просила: «Пиши».
Вот и год. Целый год промчался.
И опять она пишет: «Пиши!
Ты один у меня остался».
Детство...
Где ее детство, где?
За какую осталось горою?..
Промелькнуло в недетском труде,
Отрыдалось недетской слезою.
Бросил сын... Что ж, его забыть?
Но ведь сердце хочет любить!..
Знает: сыну дорогу в жизнь
Не закрыть материнской любовью.
Но и матери хочется жить
Вместе с сыном одной судьбою.
Если горе — ему и ей.
Если счастье — и ей и сыну.
С сыном день в сотни раз светлей,
Ночь — в сто раз темнее без сына.
Пусть ей многого не понять,
Пусть отстала от жизни новой,

Но она, как любая мать,
Ищет места в сердце сыновнем.
Пусть у сына другая звезда.
И дорога дороге рознь,
Но и матери иногда
Счастья хочется, а не слез.
Не всегда пусть, пусть иногда,
Пусть совсем, совсем немножечко.
Но такого, прочного, как тогда,
Когда сына
Кормила
С ложечки.

4

Вот опять мерный шум дождей.
Снова бьются волны о берег...
В октябре сын прислал сто рублей,
А теперь ни письма, ни денег.
Трудно, трудно бывало ей.
И, случалось, недоедала.
Но сыновние сто рублей
Не истратила, не разменяла.
И когда заходили к ней
Старики или даже девчонки,
Доставала она сто рублей
Очень гордо из-под клеенки.
— Вот, недавно сынок прислал,—
Пишет в письмах,— по мне скучает.
Сколько раз к себе приглашал.
Ехать?
Старость не позволяет...
И становится горше, больней.
Все уйдут, и она заплачет,
И сыновние сто рублей
Под клеенку опять запрячет.
А потом по деревне пойдет,
Добродушная и простая.
Каждый спросит:
— Как сын живет?
Пишет письма? Не забывает?
И она расцветет, горда,
И достанет конвертик синий,
И ответит с улыбкой: — Да!

Вот сейчас получила...
От сына.
Обсуждали клены у дороги
Что-то бесконечное свое...
Год назад на этом вот пороге
Одинокую оставил сын ее.
...Почтальон обходит виновато
Ее дом. Боится «нет» сказать...
За год этот изменилась как-то,
Постарела и увяла мать.
И все так же, так же вечерами
По селу
(Вздыхали люди вслед)
Шла она,- прижав к груди руками
Весь измятый
Голубой конверт.

СОДЕРЖАНИЕ стр.

Дай мне руку, годок	3
Весенними путями	4
Дороги	6
Сердце	7
Ты возьми меня, город	8
Идет парнишка	10
На пароме	11
Северянка	13
Любимой	14
Светланка	15
Олька, ярость моя	16
Гора Кровавая	19
Рождение весны	20
Виноградарка	22
Сыну	23
Геркулес	24
Чудесный город	25
Человек	28
Поэмы	
Я вам сердце отдал...	29
Сердце матери	41

Малашенко Аркадий Петрович
ПОИСК. (Стихи). Кишинев, «Картя Молдовеняска», 1961.
68 с.

Малашенко Аркадий Петрович
ПОИСК

Редактор К. Шишкан
Художник Ю. Баранчук
Художественный редактор Л. Донец
Технический редактор А. Белоусова
Корректоры Б. Кенингфест и В. Киртока

Сдано в набор 30/V-1961 г. Подписано к печати 20/VII-1961 г.

Формат бумаги 70 X 90^{1/32}

Печатных листов 2,46. Уч.-изд. листов 2,02.

Тираж 2000. АБ04180.

Цена 10 коп. Заказ № 1658.

Государственное издательство „Картя Молдовеняска“

Кишинев, ул. Жуковского, 44.

Тираспольская государственная типография
г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 99